

Дафу посмотрел на младшего брата, который уже всюду клевал носом, приткнувшись к отцовскому колену. Отец легонько щелкал малого по лбу, ворча, что нечего было напрашиваться, раз спать хочется. Дафу огляделся по сторонам и, ловко лавируя между рассевшимися прямо на полу мужиками, скользнул к Ли Сы.

— Эй, Гоудань!

Тот как раз шептался с Ван Сюанем, когда его чувствительно хлопнули по плечу. Гоудань вздрогнул от неожиданности, недовольно передернул плечами и буркнул:

— Чего тебе?

— Хе-хе, да так, интересно просто, о чем вы тут секретничаете... — Дафу тактично замялся, а потом вдруг шумно втянул носом воздух. — Фу-у, ну и силища! Кто это тут воздух испортил?

— Наверняка ты сам и набздел! — в один голос отрезали Гоудань и Ван Сюань.

Они и так чувствовали себя не в своей тарелке из-за того, что их отсадили подальше к старикам, а тут еще этот прибежал нос воротить. Напроситься на взбучку захотел, не иначе.

Гоудань закатил глаза. Вокруг них расположились одни старики — кто глухой как пень, у кого глаза еле видят. От этих дедов и так вечно несло залежалой пылью и дряхлостью. Самим-то старикам было глубоко плевать, сидеть рядом с семейством Ли Сы или где еще, а вот молодежь к ним подсаживаться не спешила.

В деревне многие годами не вылезали из одних и тех же обносков, так что от них разило ядреным потом и застарелой мочой — неудивительно, что от пожилых людей воротили носы.

Гоудань придвинулся к Дафу и что-то быстро зашептал ему на ухо. Тот вытаращил глаза и остолбенел.

— Ну что, провернем? — хмыкнул Гоудань.

— Серьезно? — засомневался Дафу. — И вонять будет точь-в-точь как от пердежа?

Гоудань грозно сощурился, и Дафу моментально пошел на попятную. Взяв из рук Ван Сюаня несколько иссиня-черных твердых комочков величиной с куриное яйцо, он из любопытства поднес один к самому носу, шумно вдохнул и тут же оглушительно чихнул.

— Ну и дурак, — фыркнул Гоудань, презрительно кривя губы. — Сам же знаешь, что вонючая дрянь, зачем совать её под нос?

— Хе-хе, просто охота была проверить, насколько она убойная, — ухмыльнулся Дафу.

Мальчишка он был отпетый и жутко пронирыливый. Пока не прибился к компании Гоуданя, сам верховодил местной шпаной и слыл знатным заводилой.

Подобные пакости были его излюбленной стихией. Схватив вонючие катышки, он шмыгнул в толпу, на ходу подмигнул своим бывшим приспешникам и раздал каждому по штуке. Мальчишки мигом разбрелись по разным углам просторного зала, чтобы устроить взрослым знатную проверку на прочность. Какое же это было ни с чем не сравнимое удовольствие — наблюдать, как степенные, важные мужики вдруг начинают судорожно махать ладонями у самого носа и отплевываться!

Вскоре по всему родовому храму пополз густой, удушливый дух. Пахло чем-то средним между прокисшей квашеной капустой и застарелыми газами. Поначалу народ недоуменно переглядывался, прикидывая, кто же из односельчан так обожрался сладким бататом, что теперь заживо травит соседей. Взоры мужчин невольно устремились на пару-тройку известных на всю деревню шумнобздохов. «Мать твою, — читалось в этих взглядах, — кругом приличные люди, а ты, скотина, никак не уймешься!»

Кое-кто стал подозревать, что кое-кто из присутствующих просто не мылся с прошлого года — ну нельзя же так разить! Терпение у людей было не железным, и вскоре по рядам пополз глухой ропот. Взрослый ведь лоб, а нуждую справить или хотя бы штаны сменить ума не хватает! Зачем в душном помещении всех морить?

Из-за этой невыносимой вони никто даже не обратил внимания на то, что назойливо жужжавшие над ухом тучи комаров куда-то испарились. Наконец у кого-то сдали нервы. Мужик смачно выругался, запустив волну народного негодования. Куда там до серьезных обсуждений досрочной дележки зерна! Всё благочиние собрания полетело к чертям, народ начал беспокойно ерзать и подниматься с мест.

По залу прокатились громкие выкрики и злобный смех. Вообще-то деревенским к подобным конфузам было не привыкать, но в душной, раскаленной летним зноем тесноте храма зловоние казалось концентрированным ядом. Кому охота мариноваться в чужих испарениях?

Мальчишки, наблюдая за мучениями взрослых, едва сдерживали дикий хохот. Так им и надо! Будут знать, как пороть ни за что! Пусть теперь задохнутся. Дафу с подельниками, глядя на то, как их суровые отцы кривятся от вони, не испытывали ни капли раскаяния. Напротив, в их душах ликовало пьянящее чувство победы. Наконец-то эти здоровые, грозные мужики дали слабину! Малолетние пакостники так и сияли изнутри от гордости за свой триумф.

Правда, держать язык за зубами следовало крепко. Узнай отцы правду — живо выпишут по увесистому отцовскому пинку, и тогда задницы будут гореть до осени.

Наконец плотину прорвало окончательно.

— Мать вашу! — в сердцах гаркнул один из бригадиров. — Пошли на воздух, мочи нет тут сидеть! Сдалась нам эта секретность! Мало того что духота египетская, так еще и какая-то скотина безостановочно бздит, дышать уже нечем!

— Верно, верно! — подхватили другие. — Пошли на сушильный ток, там хоть ветерок гуляет. И чего мы тут прячемся? Всё равно вечером бабам своим всё выложим!

Мужики потянулись к выходу, и вскоре зал полностью опустел. Гоудань упер руки в бока и хохотал до колик в животе. Проходивший мимо сосед отвесил ему легкий подзатыльник:

— Ты чего заливаешься, малец? Уж не твоих ли рук дело эта газовая атака?

Снаружи дышалось легко и свободно. Просторный сушильный ток был ровным и чистым. В такую жару сельчане часто выбирались сюда после ужина — посидеть в прохладе перед сном. Несколько кумушек, шушукавшихся неподалеку, с любопытством уставились на вывалившуюся из храма толпу мужиков, но расходиться не спешили.

Кто-то из старейшин махнул рукой: ладно, мол, скрывать нечего, всё равно новость важная и до всех дойдет.

Для детворы забава кончилась. На просторном току люди расселись вольготно, на приличном расстоянии друг от друга, и свежий горный ветерок в мгновение ока унес остатки удушливой вони.

На свежем воздухе мужики приободрились, загалдели пуще прежнего — на открытом пространстве приходилось повышать голос, чтобы тебя услышали на другом конце площадки. Собравшиеся поодаль женщины быстро смекнули, о чем речь, и без лишних церемоний вклинились в обсуждение. В социалистической деревне никаких строгих приличий касательно общения полов не держались: изо дня в день бок о бок гнули спины на полях, чего уж тут стесняться?

Гоудань с приятелями потеряли интерес к собранию и откочевали в сторону. Мальчишек так и подмывало разузнать побольше о той вонючей штуковине, которую состряпал Ван Сюань.

— Это вам не хухры-мухры, а настоящее средство от комаров! — авторитетно заявил Гоудань, выпятив грудь. — Ну да, неказистое с виду и смердит дай боже, зато у нас дома теперь ночью ни одна пищащая тварь укусить не смеет. А-Сюань лично в лесу травы собирал!

— Да ладно тебе заливать! — недоверчиво хмыкнул кто-то из пацанов.

— А на кой мне вам врать? А ну, гони обратно!

Гоудань потянул руку, намереваясь отобрать розданные катышки. Они с Ван Сюанем полночи

растирали вонючие травы в кашицу и сушили эти кругляши, не жалея сил. Пахнет паршиво, спору нет, но польза-то какая! В самом уезде такого дефицита днем с огнем не сыщешь.

— Гэгэ, ну ладно тебе, пусть оставят себе, а? — мягко остановил его Ван Сюань, придерживая за рукав. — Сейчас у всех дома полно мошкар, люди спать нормально не могут.

Ребята с надеждой уставились на Гоуданя, ожидая его окончательного вердикта. Лишь когда тот нехотя кивнул, они торопливо рассовали сокровище по карманам.

— А-Сюань, ты сам это удумал? — засыпали они вопросами лесного лекаря. — Мы-то думали, ты просто бурьян охапками таскаешь, а это, выходит, целебные коренья?

— Ну силища! Мужиков как ветром сдуло. Москиты от такого амбре точно замертво падают, ха-ха-ха!

— Пошел к черту! От тебя самого вони больше! — огрызнулся Гоудань и отвесил шутнику легкий пинок, после чего с гордым видом увлек Ван Сюаня за собой.

— Ты не обиделся на них? — тихо спросил Гоудань, когда они отошли подальше.

— Ничуть, — улыбнулся Ван Сюань. — Ты ведь за меня заступился.

Конечно, снадобье и впрямь вышло на редкость зловонным.

— Надо будет поколдовать над рецептом, — добавил мальчик. — Если заменить пару трав, запах станет поприятнее. Решение точно найдется.

Вернувшись домой, сорванцы завалились спать прямо в одежде, напроочь забыв вытащить вонючие шарики из карманов. Зато их родителям, делившим с ними один широкий кан, пришлось несладко: всю ночь над ухом витал густой дух прокисшего рассола.

Бедные взрослые никак не могли взять в толк, откуда исходит эта напасть. Ирония судьбы: раньше они мучились от укусов гнуса, теперь же их лишал сна загадочный, удушливый смрад.

А вот дети спали как убитые. Никакого нудного писка над ухом, никакой чесотки — а к аромату они быстро привыкли. Наутро на их загорелых руках и ногах не появилось ни одного свежего волдыря. Поначалу старшие не придали этому значения.

Спустя пару дней в избах, где катышки успели выкинуть или потерять, снова зажужжали

комары. В тех же домах, где ребяташки оказались поаккуратнее и догадались положить сушеные травяные комочки в углу кана, кисловатый запах держался стойко. Тут-то взрослые и почуяли неладное.

Противомоскитные сетки в деревне Сикань оставались непозволительной роскошью. Большинство крестьян в летнюю жару спали полуголыми, а бурьян у порогов рос в человеческий рост. Системы канав никто сроду не делал: помои выливали прямо за порог, и грязная жижа растекалась как бог на душу положит, скапливаясь в низинах. Подобная бесхозяйственность превращала деревню в идеальный инкубатор для гнуса. Застоявшиеся лужи, щедро сдобренные навозом бродящей по улицам скотины и нечистотами, так и кишели личинками.

Взрослые еще терпели, а вот малышня гадила где придется: приспичило — присел прямо посреди двора и оставил кучку. В приличных домах за детьми прибирали лопатой, а неряхи просто засыпали «добро» пылью или кликали дворового пса, чтобы тот подчистил следы.

От такой антисанитарии деревенские москиты плодились злые, ядовитые. Стоило наступить лету, как детские тела покрывались сплошной коркой расчесов. Ранки воспалялись, загнивали, а если не везло — дело заканчивалось болотной лихорадкой. Малярия в этих краях была шуткой опасной: требовалось ехать в уездную среднюю школу или коммунальную больницу, но крестьяне до последнего надеялись на авось, запускали болезнь, а потом безутешно оплакивали могилы.

И тут люди смекнули: спасительное отсутствие насекомых явно связано с этой странной вонью. Затеяв приборку, хозяйки натыкались на сморщенные черные катышки в углах канов и тут же брали сыновей в оборот.

Мальчишки отпираться не стали:

— Это Гоудань дал. А состряпал Ван Сюань.

Родители так и сели. С каких это пор малолетние сопляки научились делать лекарства?

— Да откуда мы знаем! — отдувался пацаненок, пытаясь вырваться из цепких отцовских пальцев. — Гоудань божился, что помогает. У Ван Сюаня же отец городским был, образованным, наверняка от него секрет остался!

— Неужто правда? — сомневались мужики. — Пахнет, конечно, знатно, зато гнус за версту облетает.

Они брезгливо подносили катышек к лицу: приняхавшись, понимали, что вонь не гниlostная, а скорее ядрено-травяная, с отчетливой горчинкой.

Вскоре у всех мало-мальски дотошных хозяев сложилась аналогичная картина. В головах у них созрела здравая мысль: а не заглянуть ли к Ли Сы да не выпросить ли еще парочку чудо-шариков? В сених и хлеву мошкara ведь тоже живьем поедала.

Дело-то пустяковое, но поверить, будто деревенский пацаненок сам изобрел лекарство, никто не мог. То, что Ван Сюань горазд на шалости, сомнений не вызывало, но рецепты целебных снадобий — это уже слишком. Потолковали бабы у колодцев и сошлись на одном: верное дело, рецепт оставил отец Ван Сюаня, тот самый городской интеллигент, что укатил обратно в город и след его простыл.

Эта версия всех вполне устроила. Мальчишка из семьи Ван и лицом-то пошел в породу — смазливый, чистый интеллигент. Его отец в бытность свою образованным юношей на полях работать страшно не любил: то спина у него болела, то солнце слишком пекло. Но как ни крути, человек он был грамотный, книжный. Может, у себя в городе нахватался умных мыслей, да и сболтнул сынишке на досуге.

Правда, на самой станции образованной молодёжи старожилы, приехавшие в деревню в один призыв с отцом Ван Сюаня, лишь презрительно фыркали при подобных разговорах. Они слишком хорошо знали повадки своего бывшего товарища. Понимай тот уехавший хоть каплю в травах, не слег бы в свое время с тяжелейшей малярией от первого же укуса.

Если бы не забота матери Ван Сюаня, которая выхаживала горе-работника во время его затяжной болезни, тот бы давно концы отдал. Собственно, на той больничной почве они тогда и сошлись.

Как бы то ни было, ворошить прошлое никто не собирался. Главное — средство работало без осечек. Пускай поначалу от вони резало глаза, но альтернативой были бессонные ночи под укусы озверевших moskitov. Человек ко всему привыкает. Понимая, что тошнотворный дух источают целебные травы, а не чей-то желудок, крестьяне перестали брезговать и сладко спали до самого рассвета.

Тем временем в деревне тайно сжали первую партию недозрелого зерна и спешно распределили по дворам. Каждое семейство спешило обмолотить и просушить свою долю, чтобы поскорее набить пустые желудки. Соседние деревни, с которыми держали негласную связь, тоже вели себя тише воды, ниже травы, без лишнего шума пряча хлеб по сусекам. В те суровые годы крестьяне, проливавшие пот на земле, не имели законного права распоряжаться плодами собственного труда, а потому приходилось выкручиваться тайком.